

М. И. ГЛИНКА И ОРЛОВЩИНА

Благоговейно чтит наш народ великого композитора, основоположника русской классической музыки М. И. Глинку. «Имя его не забудется в истории русской музыки, — пророчески писал Тургенев, — от него поведет она свое начало».

Земляки Тургенева всегда с живейшим интересом обращаются к тем страницам биографии и творчества М. И. Глинки, которые связаны с Орловщиной и Орловцами.

Четыре приезда

Шел 1812 год. Наполеоновские полчища раздвинулись к Москве и уже хозяйничали на Смоленщине. Здесь, в селе Новоспасском, вражеские солдаты бросились грабить дом помещика. Но хозяйка там уже не было: семья Глинки находилась на пути в Орел.

...Тревожным набатом гудели колокола церквей. Восьмилетнему Мише больше всего запомнился их звон. О самом сильном впечатлении, полученном им в Орле, он так потом расскажет в своих «записках»: «Музыкальное чувство все еще оставалось во мне в неразвитом и грубом состоянии. Даже по восьмому году, когда мы спасались от нашествия французов в Орел, я с прежнею жадностью вслушивался в колокольный звон, отличал трезвон каждой церкви и усердно подражал ему на медных тазах».

Дом, в котором жили Глинки в нашем городе, принадлежал их дальнему родственнику — орловскому купцу, разбогатевшему на подрядах. Его семья всячески старалась украсить время своих смоленских гостей. Всем нравился очень эмоциональный и подвижный мальчик. Задушевно и поэтично рассказывается о пребывании будущего композитора в Орле в романе Б. Вадецкого «Глинка»: «Все назойливые заботы родни обратились теперь на Мишу. Кто только не трепал по голове его, не усаживал на колени и не предлагал ему длинных орловских леденцов, яблок и медовых пряников... Дочери и сыновья купца попеременно читали ему сказки, как псалмы, и пели колыбельные песни над его кроваткой».

...Сейчас трудно говорить о том, какое именно отражение нашли детские впечатления о пребывании в Орле в творчестве великого композитора. Но когда звучит финал заключительного хора «Слався» из оперы «Иван Сусанин» с его величавым трезвонном колоколов, то невольно вспоминаются вышеприведенные строки из «Записок» Глинки, где основоположник русской классической музыки рассказывает о своих детских занятиях в нашем городе.

С Орловщиной связано не только детство великого композитора. Девятнадцатилетним юношей он вновь оказался в нашем краю, когда весной 1823 года ехал лечиться на Кавказ. Было начало мая. Живительным теплом пробуждающейся природы порадовала Глинку наша земля. Выехал он из дома в сырую погоду, но «...через несколько дней около Орла повеяло теплым дыханием весны, — писал Глинка, — а переехав Оку, очутился я уже в другой, новой для меня южной полосе» (разрядка Глинки). Возвращаясь с Кавказа в Новоспасское, в конце августа 1823 года, композитор пробыл в нашем городе несколько дней, «остановясь по прибытии в Орел у знакомого купца».

Зимой 1829 года, во время тяжелой болезни ком-

позитора, его отец вызвал в Новоспасское известного орловского военного врача Шпиндлера, который, верно поставив диагноз, назначил и эффективные меры лечения. С благодарностью говорил о нашем земляке Глинка: «К моему счастью, в конце зимы в 1829 году приехал к нам полковой доктор Шпиндлер. Отец познакомился с ним в городе Брянске (Орловской губернии), весьма уважал его».

Радужно был встречен Глинка на орловской земле в 1838 году, когда он возвращался с Украины в Петербург после набора певцов для придворной певческой капеллы. Утром 17 августа Михаил Иванович из Кром направился в Орел, где три дня гостил у вице-губернатора В. Н. Семенова и героя Отечественной войны 1812 года генерала А. И. Красовского. 19 августа композитор обедал во Мценске, а вечером следующего дня остановился в селе Сергиевском, прославившемся на всю Россию своими певцами, описанными Тургеневым.

Друзья композитора

Более тридцати лет был знаком и дружил Глинка с вдохновительницей Пушкина нашей землячкой А. П. Керн, оставившей потомкам свои бесценные воспоминания о великом композиторе. Страницы ее мемуаров pristine увлекают: «Однажды... встретила я генерала Базена... и он пригласил меня и моих спутников к себе на чай и на Глинку... У Глинки клавиши пели от прикосновения его, маленькой ручки, и издаваемые ими звуки непрерывно лились один за другим, как будто их связывала симпатия. Он так искусно владел инструментом, что до тонкости мог выразить все, что хотел».

В середине 1829 года Глинка с друзьями, в числе которых были А. Дельвиг и А. П. Керн, совершил поездку в Финляндию. Особенный интерес для музыковедов представляет свидетельство нашей землячки об изучении композитором финского музыкального фольклора и записи им финской песни, использованной позднее в опере «Руслан и Людмила».

Дочери А. П. Керн, Екатерине, было суждено сыграть заметную роль в личной жизни Глинки и его творчестве. С глубокой искренностью и тактом говорится об этом в воспоминаниях Анны Петровны: «Глинка был несчастлив... Тяжелая пора страданий сменилась порою любви к одной близкой мне особе, и Глинка снова ожил. Он бывал у меня почти каждый день; поставил у меня фортепиано и тут же сочинил музыку на 12 романсов». Лично Екатерине композитор посвятил романсы «Я помню чудное мгновенье», «Если встречу с тобой» и «Вальс-фантазию».

Глинка пришел на помощь семье Керн в трудное для нее время. По состоянию здоровья Екатерина нуждалась в длительном лечении на юге. На свои средства композитор купил для матери и дочери карету. Из Петербурга выехали все вместе. 11 августа 1840 года Михаил Иванович, проводив своих друзей, направился в Новоспасское, а Керны — в Тригорское...

Анна Петровна рассказывает в воспоминаниях и о своей встрече с Глинкой за границей незадолго до кончины композитора. Ей довелось присутствовать на отпевании Михаила Ивановича в той же Конюшенной церкви в Петербурге, где отпевали двадцатью годами раньше А. С. Пушкина.

Глинка и Тургенев

Композитор и писатель лично встречались дважды: в самом начале творческой деятельности Тургенева и в конце жизненного пути Глинки. Их первое знакомство состоялось в середине 30-х годов прошлого века. В письме к ученику Глинки молодому композитору В. Н. Кашперову в январе 1857 года Тургенев писал: «Поклонитесь от меня Глинке; он, вероятно, меня не помнит — но я очень хорошо его помню. Он бывал у нас, когда мы жили вместе с братом — которого он, кажется, любил. Скажите ему, что я ему желаю здоровья и всего хорошего на свете. Г-жа Виардо, которая, как Вы знаете, большая его поклонница, также ему кланяется».

Отношение Тургенева к современной ему русской музыке было своеобразно и сложно. Но вкусы и взгляды писателя с течением времени менялись. Так, если сначала он не все принял в опере «Ивана Сусанина», то позднее высоко оценил творческое новаторство ее создателя. В обостренной полемике с В. В. Стасовым о путях развития русского искусства XIX века Тургенев вполне определенно высказал свое отношение к Глинке: «Вы напрасно, — писал он Стасову, — воображаете, что я «недолюбиваю» Глинку: это был очень крупный и оригинальный человек...».

Исключительно важно и то обстоятельство, что Глинка и Тургенев очень близко сходились в оценке творчества виднейших музыкантов своего времени. Интересно сопоставить их высказывания об исполнительском искусстве П. Виардо. «Зимой, — писал Глинка, — приехали к нам Рубини, Тамбурины и Виардо-Гарсия... Виардо была превосходна». А вот относящийся к тому же времени первый отзыв Тургенева: «...Я не скажу — величайшая: это, по моему мнению, ЕДИНСТВЕННАЯ певица в долем мире» (выделено Тургеневым). Глинка, все более убеждаясь в исключительности вокально-сценического дарования Виардо, прямо заявляет о своем пристрастном отношении к выдающейся певице. «Ты знаешь, — пишет он своей сестре о Виардо, — я ее ревностный почитатель».

В свою очередь П. Виардо с благоговением относилась к творчеству М. И. Глинки. Знаменательно и то, что произведения композитора ею исполнялись на русском языке.

В конце 1856 года Тургенев посетил уже больного Глинку в Берлине.

Несмотря на недуг, Глинка до конца своей жизни проявляет большой интерес к новинкам отечественного искусства, в том числе и литературы. Большому композитору В. Н. Кашперов читает в Берлине произведения Тургенева. И, по-видимому, творения нашего земляка-писателя были последним утешением Михаила Ивановича, горячо любившего русскую литературу.

...На литературно-музыкальном вечере в Карлсбаде 1 июля 1875 года Тургенев читал «Льгов» и «Живые мощи», затем прозвучала «Камаринская» Глинки. Творения великих русских художников как бы объединились и вместе ушли в грядущее.